

В.В. Оглезнев

«ОТКРЫТАЯ ТЕКСТУРА» ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ И ТЕОРИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОТОТИПОВ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-011-00119а «Неопределенность и “открытая текстура” юридического языка»).

Рассматривается влияние идеи «открытой текстуры» правовых понятий Герберта Харта на формирование теории семантических прототипов. Обосновывается тезис, что это влияние определяется не только хронологически, но и, что более важно, методологически. И Харт, и представители теории прототипов разделяют общие методологические установки и используют схожую терминологию. Это позволяет трактовать подход Харта в качестве источника теории прототипов, получившей широкое распространение в современной когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: открытая текстура; прототип; правовые понятия; значение; определение; семантика.

Впервые идею об «открытой текстуре» правовых понятий высказал Герберт Харт в своей фундаментальной работе «Понятие права» [1. С. 128–139]. Суть его идеи заключалась в том, что чтобы решить, применимо ли правило в определенной ситуации, сначала следует установить границы значения присутствующих в нем общих терминов. Например, применение правила «Использование средств передвижения в парке запрещено» (*No vehicles in the park*) обычно зависит от того, является ли с точки зрения данного правила определенный предмет «средством передвижения» или определенное место «парком» [2. С. 237–238]. В ясных или стандартных ситуациях «общие нормы не нуждаются в интерпретации <...> признание примеров выглядит беспроblemным (или автоматическим) <...> существует общее согласие в суждении относительно применимости классифицирующих терминов» [1. С. 130]. Напротив, в ситуациях пограничных или нестандартных уже не так ясно, подлежит ли применению общий термин: «Существуют доводы и за, и против использования общего термина, но нет никакой устойчивой договоренности или соглашения, которое определяло бы его использование» [Там же. С. 130–131]. Все это говорит о том, что общие термины, по мнению Харта, характеризуются двойственностью значения: с одной стороны, у них обнаруживается так называемое ядерное значение (*core meaning*), которое предполагает наличие определенных условий, при наличии которых употребление термина ясно, а с другой – «полутеневое» значение (*penumbral meaning*), которое отсылает к условиям, при наличии которых употребление термина неясно. Установить значение термина в пограничных или нестандартных ситуациях достаточно сложно. Эта сложность связана, прежде всего, с неопределенностью значения общих терминов, которая в пограничных ситуациях приводит к неопределенности правил, в которых они содержатся. Харт назвал это свойство общих терминов «открытой текстурой» [Там же. С. 131]. Если ядерное значение общего термина достаточно ясно, то когда мы, так сказать, двигаемся от центра к периферии, границы его значения становятся нечеткими, неясными, неопределенными. Мы уже не уверены в стабильности его значения, как это имеет место, например, в

стандартной ситуации его употребления. Таким образом, правило, содержащее подобного рода термины, является неопределенным (или имеющим «открытую текстуру») в том смысле, что нестабильность значения общего термина приводит к нестабильности правила, в котором он содержится.

Харт пришел к выводу, что «открытая текстура» является неустраняемым свойством правовых понятий и права в целом. «Открытая текстура» неустраняема в юридическом языке потому, что она неустраняема в естественном языке. И вот почему. Юридический язык в основном использует слова и выражения, имеющие широкое хождение в рамках естественного языка, но, очевидно, связывает с ними не то весьма широкое содержание, которое предполагается обыденным словоупотреблением. А поскольку язык, в котором выражены правовые понятия (а правовые понятия выражаются прежде всего в языке повседневного общения), во многих случаях эквивокативен, что порождает двусмысленность интерпретации выражающих их терминов. С другой стороны, юридический язык – это язык, являющийся подсистемой естественного языка, следовательно, он также эквивокативен, поэтому проблема адекватного выражения правовых понятий и правил становится крайне актуальной для юридической науки [3. С. 180]. Проблемы, которые возникают при юридическом толковании слов естественного языка, связаны с тем, что семантическая неопределенность является особенностью естественного языка, которую следует объяснять в терминах открытой текстуры: «Бывают ясные случаи, постоянно возникающие в сходных контекстах, к которым общие выражения четко применяются (“Если что-либо является средством передвижения, то автомобиль им является”), но нередко встречаются и ситуации, когда неясно, применимо оно или нет (Включает ли в себя использованное здесь понятие “средство передвижения” велосипеды, аэропланы, роликовые коньки?)» [1. С. 130].

Однако какая лингвистическая теория могла бы объяснить семантическую неопределенность правовых понятий? По мнению Харта, «открытая текстура» вполне подходит для этой задачи. Но он так и не развил идею «открытой текстуры» до уровня теории, она осталась лишь определенным методологическим ин-

струментом исследования природы правовых понятий. Б. Бикс верно отмечает: «...подход Харта не был основан на теории языка, по крайней мере, не на том, что понимается под теорией значения определенных терминов» [4. Р. 67]. Схожего мнения придерживался Г. Бейкер, что «Харт не разработал специальной семантической теории или особой теории значения, которая была бы применима к анализу правовых понятий» [5. Р. 43–44]. Действительно, Харта не занимало исследование нюансов значения в том смысле, в каком этим занимались представители оксфордской школы лингвистического анализа, с достижениями которых Харт был хорошо знаком. Для него как правоведа больший интерес представлял вопрос расширения объема понятия, а не уточнение его содержания. При каких обстоятельствах мы можем включить в объем понятия новые предметы? И как установить, не включены ли они уже в его объем, например, законодателем? Харт, пытаясь ответить на эти вопросы, как раз и предположил, что у правовых понятий в ясных ситуациях употребления есть общепринятое ядерное значение, а в неясных – полутеневое значение. Как известно, он позаимствовал идею «открытой текстуры» у своего оксфордского коллеги Ф. Вайсмана, который, наоборот, пытался доказать, что значение слов имеет неопределенный и временный характер. Но ни в «Понятии права», ни в других работах Харта не найти обсуждение семантических трактовок значения, получивших широкое распространение в философии и лингвистике второй половины XX в. Несмотря на это, как далее будет показано, предложенная им идея «открытой текстуры» правовых понятий оказала влияние на формирование теории прототипов не меньше, чем концепция «семейных сходств» Витгенштейна или теория «открытой текстуры» Вайсмана [6. С. 35].

Теория семантических прототипов, как ее называет Дж. Лайонз [7. С. 111–116], была разработана когнитивным психологом Э. Рош [8] двенадцать лет спустя после выхода в свет «Понятия права» Харта. Ключевым понятием в этой теории является понятие «прототип» – центральный элемент определенной категории, который «лучше других» представляет эту категорию в целом. Прототип являет собой набор свойств, общих множеству сходных элементов одной и той же категории (или класса), т.е. разделяет максимум общих свойств с другими членами этой категории и минимум свойств с единицами других категорий, абстрактный образ, который точно воплощает идею категории, сфокусировав в себе типичные свойства составляющих эту категорию элементов. Теория прототипов, по утверждению В.З. Демьянкова, «заключается в следующих положениях: 1) категория обладает внутренней прототипической структурой; 2) степень представительности экземпляра соответствует степени принадлежности его к категории; 3) границы между категориями, или концептами, размыты; 4) члены одной категории необязательно обладают общими свойствами – скорее, их объединяет семейное сходство; 5) отнести какой-либо объект к некоторой категории можно на основе степени сходства с прототипом; 6) исследователь изучает материал не

аналитически, а синтетически, или “глобальным” способом» [6. С. 37]. Это позволяет сделать вывод, считает А.З. Хусаенова, «что большинство категорий мышления построены по принципу прототипа: один член категории является наиболее типичным представителем всей категории, а другие члены различаются по степени типичности при сравнении их свойств со свойствами прототипа» [9. С. 300].

Особенностью теории прототипов является то, что значение устанавливается не посредством определения, но посредством примера или образца. Преимущество такого подхода состоит в том, что допускается вариативность применения на периферии понятий при сохранении их ясного, центрального значения. В повседневных лингвистических практиках люди формируют конкретный или абстрактный мысленный образ предметов, принадлежащих некоторой категории. Этот образ называется прототипом, если с его помощью человек воспринимает действительность: член категории, находящийся ближе к этому образу, будет оценен как лучший или более прототипичный экземпляр, чем все остальные [6. С. 37]. Иными словами, одни члены категории являются более центральными, другие оказываются ближе к периферии данной категории. Например, воробей может служить прототипом птицы, яблоко – фрукта, и наоборот, страус будет пограничным или периферийным примером птицы, а баклажан – фрукта. Аналогичным образом в теории Харта прототипическим экземпляром средства передвижения будет автомобиль, в то время как роликовые коньки и скейтборды будут его пограничными или периферийными примерами.

Харт обосновывает свою теорию «открытой текстуры» правовых понятий ссылаясь на Ф. Вайсмана в качестве источника своих взглядов. Но в вопросах семантики Вайсман занимал более скептическую позицию: «Возьмем любое высказывание о материальном объекте. Термины, которые в нем встречаются, не являются исчерпывающими; это означает, что мы не можем предвидеть все возможные случаи, в которых они должны использоваться; всегда остается возможность, хотя и слабая, что мы не учли того или иного, что может иметь отношение к их использованию; и это означает, что мы не можем предвидеть все возможные обстоятельства, при которых высказывание истинно или ложно» [10. Р. 123]. Он утверждал, что поскольку ни одно определение не может быть завершено, значение является не просто недоопределенным, но совершенно неопределенным в том смысле, что мы никогда даже в ясных случаях не можем точно знать, о чем говорим. Вайсман считал, что сомнения остаются не только в отношении периферии или полутени понятия, но также в понимании самого понятия, его ядерного значения [11. Р. 132]. Мы не можем определить понятие исчерпывающим образом, потому что не можем предвидеть все возможные ситуации его использования: «Мы никогда на самом деле не сможем исключить возможность возникновения какого-либо непредвиденного фактора, и потому мы не можем быть уверены в том, что включили в определение все, что необходимо, и, следовательно, процесс определения и уточнения идеи будет продолжаться бесконечно» [10. Р. 125]. Следова-

тельно, определение термина с «открытой текстурой» неизбежно будет неполным, т.е. оно не будет охватывать все случаи его использования. Поэтому техника определения через перечисление необходимых и достаточных признаков понятия будет здесь неэффективной, а проблема неопределенности – неизбежной. Как раз именно эту идею Харт попытался развить и эксплицировать в области права. Неопределенность права, по его мнению, состоит в том, что применение правил, понятий или выражений является неопределенным из-за невозможности подтверждения, применимо ли правило, понятие или выражение к определенной ситуации. Это связано, прежде всего, с тем, что, как и в теории Вайсмана, мы не можем предвидеть всех обстоятельств и учесть все возможные ситуации их использования. Поэтому чтобы оценить правильность применения понятия, надо сначала решить, включается ли рассматриваемый предмет в объем понятия. Для этого надо соотнести его с образцовым или стандартным (прототипическим) экземпляром на предмет установления сходств в определенных признаках. Такое соотнесение и будет выступать критерием его правильного применения.

Анализ понятия «средство передвижения», предложенный Хартом в контексте правила «Использование средств передвижения в парке запрещено», очень напоминает лингвистический анализ, принятый в теории семантических прототипов. Кроме того, наблюдается сходство и в употребляемой терминологии: например, Харт использует термин «полутень» (*penumbra*) для обозначения того, что в теории прототипов называется периферией (*periphery*). Современный лингвист А. Круз, который также рассматривает пример «средства передвижения» (*vehicle*), приходит к таким же, как и Харт, выводам. Он утверждает, что категории с прототипической структурой характеризуются набором определенных признаков. Однако, в отличие от классического подхода, они не представляют собой набор необходимых и достаточных признаков, за исключением, возможно, самого прототипа. Чем больше общих признаков обнаруживается в рассматриваемом предмете, тем ближе он будет к прототипу. В таких случаях признаки могут быть дифференцированно взвешены, т.е. одни признаки будут иметь большее значение для приближения к прототипу, чем другие. Эту идею Круз иллюстрирует на примере понятия «средство передвижения». Он приводит следующие его признаки: а) предназначено для перемещения по дорогам; б) обладает собственной движущей силой; в) может двигаться быстрее, чем человек без посторонней помощи; г) может перевозить людей / товары помимо лица, которое им управляет; д) имеет четыре кресла; е) имеет металлическую конструкцию; ж) вмещает людей / товары; з) маневренное. Очевидно, что центральным, или прототипическим, примером понятия «средство передвижения» будет автомобиль, который обладает всеми перечисленными признаками. Если эти признаки перечислены верно, то тогда в отношении предметов, которые не будут считаться центральными, можно установить, какими признаками они точно не обладают. Например, к непрототипическим примерам «средства пере-

движения» можно отнести следующие предметы на основании отсутствия у них вышеуказанных признаков. Поезд не предназначен для перемещения по дорогам, и он не является маневренным. Трактор не предназначен для перемещения по дорогам, и водитель не всегда находится внутри конструкции. Велосипед не обладает собственной движущей силой и не может перевозить людей / товары помимо лица, которое им управляет. Таким образом, понятие ««средство передвижения», как и «игра», – заключает Круз, – это категория, в отношении которой невозможно составить перечень необходимых и достаточных признаков; но могут существовать признаки, которые являются необходимыми» [12. Р. 136]. Действительно, обычно для описания какого-либо стимула не существует набора необходимых и достаточных его признаков. Поэтому для его распознавания используется достаточно динамичная система признаков прототипа, в соответствии с которыми он описывается как более или менее подходящий данному прототипу.

Теория семантических прототипов, как было показано, имеет несомненные преимущества по сравнению с теорией необходимых и достаточных признаков понятия. Если мы рассматриваем типичность в качестве уменьшающейся функции расстояния от прототипа, считают Дж. Лоури и Е. Тэнг, то с помощью этого подхода можно легко объяснить, что отдельные экземпляры являются более типичными примерами понятия, чем другие. Например, снегири являются более типичными примерами птиц, чем пингины, поскольку последние обладают определенными нетипичными свойствами птиц, как неспособность летать [13. Р. 1546]. Следует отметить, что теория прототипа занимает достаточно гибкую позицию в вопросе о неизменности основного понятия, по отношению к которому распознаются периферийные примеры. И хотя эта теория признает непроблематичным центральное значение понятия, она, тем не менее, допускает географическую вариативность в том, что является его лучшим экземпляром. В то время как в России воробей может выступать лучшим экземпляром «птицы», в Германии более предпочтительным экземпляром будет снегирь. Эскимосы же подумают в первую очередь о пингвинах. Эта теория может также использоваться для фиксации как исторических, так и этимологических изменений понятий. Поскольку значение, возможно, изменится в зависимости от сообщества, эта теория, утверждает Р. Чернок, должна также учитывать различия между различными профессиональными областями. Например, в медицине, военном деле или математике под операцией могут пониматься разные понятия [11. Р. 133].

Вместе с тем эта теория не лишена недостатков. Э. Уэй обращает внимание на две серьезные проблемы, которые возникают с этим подходом. Во-первых, непонятно, насколько сходство с прототипом является достаточным для объяснения того, как понятия формируются, т.е. будут ли одни сходства более важными, чем другие. Например, если вилка является прототипом столового прибора, а пила – прототипом строительного инструмента, как можно объяснить, что нож для стейка определяется как столовый прибор, если его

сходство с пилой намного сильнее, чем с вилкой. Получается, сходства в использовании не всегда достаточно. Во-вторых, есть проблема с использованием сходства в качестве базового компонента. Любые два объекта могут быть в той или иной степени похожи друг на друга, и как теория, основанная на их сходстве, должна объяснить их использование? Кроме того, могут существовать такие экземпляры категории, которые не имеют ничего общего с любыми другими экземплярами данной категории, например «раздвоенность подборода». Какое отношение к прототипу могут иметь подобного рода случаи, и как можно сделать вывод о сходстве тогда, когда вообще нет общих черт [14. Р. 212]? Но проблемы, отмеченные Уэй, при более внимательном рассмотрении являются не такими уж серьезными. Если же использовать понятие прототипа «как специальный лингвистический инструмент анализа, а не как универсальную гносеологическую отмычку» [15. С. 201–202], т.е. не абсолютизировать и не злоупотреблять им, то это понятие может быть вполне плодотворным. Так или иначе, обращение к теории прототипов, по утверждению А. Вежбицкой, «не освобождает нас от работы по разработке определений; прототипы не могут “спасти нас” от строгого лексикографического исследования, но они могут помочь нам построить лучшие, более глубокие определения, ориентированные на человеческую концептуализацию реальности, которая отражена и воплощена в языке» [Там же. С. 226].

Таким образом, у теории семантических прототипов и идеи «открытой текстуры» Харта есть много общего, что позволяет предположить о некотором влиянии последней на формирование первой. Это влияние прослеживается в следующих направлениях. Во-первых, идея «открытой текстуры» правовых понятий была озвучена Хартом на двенадцать лет раньше, чем идею прототипов высказала Рош. Во-вторых, более важным представляется не хронологическое первенство, но наблюдаемое сходство в используемой терминологии и в разделяемых методологических установках. Харт, рассматривая двусмысленность значения, выделял ядерное и полутеневое значение, или ядро и полутень понятия. В теории семантических прототипов используются такие термины, как центральное значение понятия и его периферийное значение. И Харт, и представители теории прототипов разделяли взгляд Витгенштейна на недискретность, размытость границ понятий, на непрерывность и случайность в определении вещей и их именовании, который приводит к неизбежности проблемы неопределенности в обоих случаях. И наконец, в-третьих, идея «открытой текстуры» Харта, как и теория прототипов, возникла в качестве реакции на традиционный аристотелевский способ организации категорий и определения понятий через необходимые и достаточные признаки и стала в этом качестве вполне эффективным инструментом теории определения как правовых понятий, так и понятий естественного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2007.
2. Оглеzneв В.В. «Открытая текстура» юридического языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 1 (33). С. 237–244.
3. Оглеzneв В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия права: юридический язык как предмет исследования // Правоведение. 2015. № 5(322). С. 178–193.
4. Bix B. H.L.A. Hart and the “Open Texture” of Language // Law and Philosophy. 1991. Vol. 10, № 1. P. 51–72.
5. Baker G.P. Defeasibility and Meaning // Law, Morality, and Society: Essays in Honor of H.L.A. Hart. P.M.S. Hacker, J. Raz (eds.). Oxford : Clarendon Press, 1977. P. 26–57.
6. Демьянков В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке / отв. ред. Е.С. Кубрякова. М. : ИНИОН РАН, 1994. С. 32–86.
7. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. М. : Языки славянской культуры, 2003.
8. Rosch E. Natural Categories // Cognitive Psychology. 1973. Vol. 4. P. 328–350.
9. Хусаенова А.З. Понятие кластерного концепта и методика его изучения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 67. С. 300–303.
10. Waismann F. Verifiability // Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volume. 1945. Vol. 19. P. 119–150.
11. Charnock R. Hart as Contextualist? Theories of Interpretation in Language and the Law / Law and Language. Current Legal Issues. M. Freeman, F. Smith (eds.). Oxford University Press, 2013. P. 128–150.
12. Cruse A. Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics. Oxford : Oxford University Press, 2000.
13. Lawry J., Tang Y. Uncertainty Modelling for Vague Concepts: A Prototype Theory Approach // Artificial Intelligence. 2009. Vol. 173. P. 1539–1558.
14. Way E.C. Language Games, Open Texture and Family Resemblance / Knowledge Representation and Metaphor. Dordrecht : Springer, 1991. P. 201–228.
15. Вежбицкая А. Прототипы и инварианты // Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. С. 201–231.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 16 ноября 2019 г.

The “Open Texture” of Legal Concepts and the Semantic Prototype Theory

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 452, 94–98.

DOI: 10.17223/15617793/452/11

Vitaly V. Ogleznev, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ogleznev82@mail.ru

Keywords: open texture; legal concepts; prototype; meaning; definition; semantics.

The article proposes the hypothesis that the idea of an “open texture” of legal concepts proposed by Herbert Hart, an English legal philosopher, influenced the formation of a semantic prototype theory, which has become widespread in modern cognitive linguistics. Hart proposed the idea of an “open texture” of legal concepts in his fundamental work *The Concept of Law* (1961). The key point of his idea was that the decision whether a rule applies to a particular situation often turns on delimiting the range of meaning of general terms. These general terms, according to Hart, are characterized by a duality of meaning: on the one hand, they have the

so-called “core” (plain) meaning, which presupposes the existence of certain conditions under which the use of a term is clear and precise, and, on the other hand, the “penumbral” meaning, which refers to conditions under which the use of a term is unclear. It is quite difficult to determine the meaning of a term in borderline or non-standard cases. If the core meaning of a general term is clear enough, then when we move, so to speak, from the center to the periphery, the boundaries of its meaning become vague, unclear, indeterminate. We are no longer sure of the stability of its meaning, as it is in the case of its standard use. Thus, a rule containing such terms is indeterminate (or “open textured”) in a sense that the instability of the meaning of a general term leads to the instability of a rule containing the term. The influence of the idea of an “open texture” of legal concepts on the formation of a semantic prototype theory can be traced in the following directions. Firstly, the idea of an “open texture” of legal concepts was suggested by Hart twelve years earlier than a prototype theory was developed. Secondly, the similarity in terminology used and methodological settings shared seems more important. Considering the ambiguity of meaning, Hart distinguished core and penumbral meanings of a concept. The prototype theory uses terms such as the central meaning of a concept and its peripheral meaning. It is shown that both Hart and representatives of a prototype theory shared Wittgenstein’s view on the non-discreteness, vagueness of the boundaries of concept, which leads to essential inevitability of indeterminacy problem in both cases. And, thirdly, the idea of Hart’s “open texture”, as well as a prototype theory, arose in response to the traditional Aristotelian way of organizing categories and defining concepts by a set of necessary and sufficient features; and, in this capacity, it became quite an effective tool of defining both legal and natural language concepts.

REFERENCES

1. Hart, H.L.A. (2007) *Ponyatie prava* [The Concept of Law]. Translated from English. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
2. Ogleznev, V.V. (2016) “Open Texture” of Legal Language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1 (33). pp. 237–244. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/34/28
3. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2015) Analytical Legal Philosophy: Legal Language as a Subject Matter of the Research. *Pravovedenie*. 5(322). pp. 178–193. (In Russian).
4. Bix, B. (1991) H.L.A. Hart and the “Open Texture” of Language. *Law and Philosophy*. 10 (1). pp. 51–72.
5. Baker, G.P. (1977) Defeasibility and Meaning. In: Hacker, P.M.S. & Raz, J. (eds) *Law, Morality, and Society: Essays in Honor of H.L.A. Hart*. Oxford: Clarendon Press. pp. 26–57.
6. Dem’yankov, V.Z. (1994) Teoriya prototipov v semantike i pragmatike yazyka [The Theory of Prototypes in the Semantics and Pragmatics of Language]. In: Kubryakova, E.S. (ed.) *Struktury predstavleniya znaniy v yazyke* [Structures of Knowledge Representation in Language]. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences, RAS. pp. 32–86.
7. Lyons, J. (2003) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. Translated from English by I.B. Shatunovskiy, V.V. Morozov. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.
8. Rosch, E. (1973) Natural Categories. *Cognitive Psychology*. 4. pp. 328–350.
9. Khusaenova, A.Z. (2008) Ponyatie klaster'nogo kontsepta i metodika ego izucheniya [The Cluster Concept and the Methodology of Its Study]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 67. pp. 300–303.
10. Waismann, F. (1945) Verifiability. *Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volume*. 19. pp. 119–150.
11. Charnock, R. (2013) Hart as Contextualist? Theories of Interpretation in Language and the Law. In: Freeman, M. & Smith, F. (eds) *Law and Language. Current Legal Issues*. Oxford University Press. pp. 128–150.
12. Cruse, A. (2000) *Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
13. Lawry, J. & Tang, Y. (2009) Uncertainty Modelling for Vague Concepts: A Prototype Theory Approach. *Artificial Intelligence*. 173. pp. 1539–1558.
14. Way, E.C. (1991) *Knowledge Representation and Metaphor*. Dordrecht: Springer. pp. 201–228.
15. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Translated from English. Moscow: Russkie slovari. pp. 201–231.

Received: 16 November 2019